

Христов подарок

РОЖДЕСТВЕНСКИЕ ИСТОРИИ
ДЛЯ ДЕТЕЙ И ВЗРОСЛЫХ

Христов подарок. Рождественские истории для детей и взрослых

«Лепта Книга»

УДК 821.161.1-97+271.2-29
ББК 84(2Рос=Рус)1-44+86.372

Христов подарок. Рождественские истории для детей и взрослых /
«Лепта Книга»,

ISBN 978-5-91173-277-6

Жанр святочных рассказов был популярен в разных странах и во все времена. В России, например, даже в советские годы, во время гонений на Церковь, этот жанр продолжал жить. Трансформировавшись в «новогоднюю сказку», перейдя из книги в кино, он сохранял свою притягательность для взрослых и детей. В этом сборнике вы найдете самые разные святочные рассказы – старинные и современные, созданные как российскими, так и зарубежными авторами... Но все их объединяет вера в то, что Христос рождающийся приносит в мир Свет, радость, чудо...

УДК 821.161.1-97+271.2-29
ББК 84(2Рос=Рус)1-44+86.372

ISBN 978-5-91173-277-6

© Лепта Книга

Содержание

Рождественские рассказы и сказки для детей	6
Неизвестный автор (пересказ с немецкого)	6
Христов подарок	6
Николай Николаевич Туроверов	14
Сочельник	14
«Выходи со мной на воздух...»	14
Марина Валерьевна Кравцова	16
Подарки для Христа	16
Ирина Сергеевна Роголёва	19
Найденный крест	19
Юлька, Краля и часы	30
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Дарья Болотина
Христов подарок. Рождественские
истории для детей и взрослых

© ООО «Издательство «Лепта Книга», оформление, 2011.

* * *

Рождественские рассказы и сказки для детей

Неизвестный автор (пересказ с немецкого)

Христов подарок

I

– Мама! А что, мне Христос взаправду лошадку принесет?!

Мать ласково взглянула на мальчугана:

– Посмотрим, Сереженька, если ты будешь молодцом и паинькой – может быть, и принесет.

В глазенках мальчика светилась радость.

– Мама, и пряник тоже принесет?

– Да, и пряник, только теперь ты пойдешь свою лошадку спать уложи и не мешай маме работать.

Сережа послушно направился в тот угол комнаты, где он проводил большую часть дня. Там, под стулом, изображавшим «конюшню», проживала нынешняя «лошадь». Существо, называвшееся этим именем, в настоящую минуту заслуживало вполне отправки «на покой» за полной непригодностью к дальнейшей лошадиной службе. Замена его другим, свежим конем была действительно необходима. Старый инвалид потерял на долговременной службе все четыре ноги. Впрочем, еще раньше ног он потерял голову. Поэтому то, что теперь называлось лошадью, было лишь лошадиным туловищем. Но все эти недостатки нисколько не отражались на обращении мальчугана с состарившимся, потерявшим голову конем. Оно оставалось таким же нежным и заботливым, каким оно было в лучшие дни. Сережа закутал теперь верного товарища в свою рубашку и любовно укладывал его спать, укачивая на своих маленьких ручонках и мурлыча вполголоса колыбельную песенку.

– Послезавтра придет Христос, – шептал он коню, – и, если ты будешь паинькой, у тебя будет братец. Спи, лошадка, спи!

Нежный голосок ласкового ребенка и спокойные мерные его шаги вокруг «конюшни» произвели надлежащее действие на бывшего скакуна: он мирно покоился.

Уложив лошадку, мальчик выпил свою вечернюю порцию молока; мама уложила его в кроватку; он в полусне пробормотал слова молитвы и заснул после дневных трудов крепким спокойным сном.

Мать нежно склонилась над малюткой и поцеловала его сперва в усталые глазенки, потом в маленький, похожий на пуговку, носик. Наскоро проглотив свой скудный ужин, она снова, с легким вздохом утомления, принялась за работу. Кропотливая это была работа и тяжелая – по толстому сине-зеленому, цвета морской воды, штофу ей нужно было вышить золотом и разноцветными шелками чей-то большой герб – то ли княжеский, то ли графский. Глаза отказываются служить. Резь в них делает работу почти невозможной. Спину разломило так, что не разогнуться, – а закончить подушку надо сегодня же, не то завтра ничего не получишь за работу; чем тогда жить в праздники?

Сегодня девятый день, как она сидит за этой работой – с утра до поздней ночи. Ах, как ломит голову! Хоть четверть часика передохнуть – наверное, потом лучше станет, и работа скорее пойдет.

Усталая голова опустилась на руки, воспаленные глаза сомкнулись. Мертвая тишина царил в крошечной каморке под самой крышей четырехэтажного флигеля с окнами на задний двор. Мокрый снег ударял в стекла; ветер, резкий и порывистый, проникал в комнату сквозь неплотно пригнанную оконную раму, пытаясь задуть лампу, – Анна Стрелкова ничего этого не замечала. Природа взяла свое, и Анна спала глубоким сладким сном.

Мало-помалу огонь в железной печурке все слабел и наконец совсем потух. В комнате чувствовался холод. Сон Анны стал беспокойнее. Наконец, она проснулась от холода, вскочила спросонья... толчок, треск и звон разбитого стекла, противный, удушливый запах разлитого керосина – и глубокий мрак.

Анна стояла сама не своя от ужаса. Она словно окаменела. Она еще не вполне сознавала, что случилось. Прошло несколько минут, прежде чем она пришла в себя и поняла, что не сон видит, что перед ней ужасная действительность. Она бросилась скорее в кухню за спичками и свечкой. Чирк! – свеча зажжена и освещает страшную картину разрушения. Ноги подкосились у мастерицы от горя и ужаса. От лампы остались одни черепки, а дорогая, драгоценная, почти готовая вышивка залита сплошь керосином и усыпана осколками стекла!..

Анна всплеснула руками:

– Боже, как могла я задремать! Господи, что же теперь с нами будет!

Проснувшийся ребенок приподнялся в своей кровати:

– Мама, не плачь! Христос новую подушку принесет!

Не слушая сына, она на коленях ползала по полу, собирая черепки и осколки.

– Иди спать, мама, – продолжал мальчик, – не нужно так плакать!

Да, теперь она могла спать: больше у нее на сегодня не было никакой работы – и надежды тоже никакой! Крепко обняла она своего малютку, стараясь сдерживать слезы, пока он не заснул. Но после этого долго еще плакала и лишь под утро заснула сама, измученная горем и слезами.

II

– Но ведь это же ужасно, – взволнованно говорил управляющий большим магазином рукоделий знаменитой фирмы «Дольфус М. и компания», вертя в руках обезображенную, дурно пахнущую вышивку. – Что же теперь делать с этим? Один день только до праздника остался!

Анна стояла перед ним, убитая горем, с опущенными глазами.

– Может быть, это отойдет, если химически вычистить... Я сейчас с этим в красильню сбегая... – попробовала предложить она.

– Нет, пусть пока здесь останется, а то, пожалуй, та дама, что заказала эту подушку, скажет еще, что мы пустые отговорки придумываем... Но как же это вас, милая, так угораздило?... Вам, во всяком случае, придется заплатить за все это.

– Заплатить? – Анна побледнела.

– Ну, да, разумеется, а то кто же возьмется возместить убытки, ведь не я же? Может быть, она и отчистится... посмотрим! А, сударыня, сюда пожалуйста! Чем могу служить? – Управляющий устремился к вошедшей даме, шуршавшей своими юбками, и больше даже не взглянул на Анну.

Бедняжка вышла из магазина. На улице валил крупными хлопьями снег. Анна на мгновение остановилась перед громадным зеркальным окном, в котором красовалась роскошная магазинная выставка, и раза два тяжело вздохнула. Какая она жалкая, какая одинокая, всеми

покинутая! Она вспомнила своего мужа – уже не первый год он лежит на кладбище. Хорошо ему там! Положили, и спит он себе вечным сном, и нет ему никакого дела и заботы до жены с ребенком, оставленных им на произвол судьбы без гроша. А она вся извелась в постоянной заботе о завтрашнем дне в суровой отчаянной борьбе за кусок хлеба.

Господи, где же ей теперь взять денег? Наступает праздник. Нужно купить что-нибудь Николеньке. Сколько бы ему счастья принесла какая-нибудь пара жалких свечек и горсточка пряников!

Но вдруг она вспомнила о сберегательной кассе. Да, на имя Сережи был положен туда когда-то банковый билет в три рубля. Конечно, это деньги не ее, но она потом вновь сделает такой же вклад на его имя, – а теперь лошадка должна у него быть! Должен же он справить свой праздник, нельзя лишить малыша этой радости. Господь их не оставит! Будет снова работа, она тогда себе в чем-нибудь откажет, только бы его детские надежды теперь не обмануть!

Словно на крыльях полетела Анна за мальчуганом. Сережа был весь поглощен новым интересным занятием. С прутиком в руках он посвящал свою несчастную клячу во все премудрости высшей кавалерийской школы...

– Пойдем, родной мой, погуляем с тобой немного, – сказала Анна сыну. – На улице бабушка-метелица постели вытряхивает!.. Гляди, как перышки летят, – вон их сколько!

«Перышки» очень забавляли Сережу, и он бодро семенил ножонками по глубокому снегу. Вон они остановились перед большим домом, и мальчуган должен был усесться на каменной лестнице и крепко пообещать, что вот так он будет совсем тихонько сидеть, пока мама не вернется, потому что «детям и собакам вход в сберегательную кассу воспрещается».

Малыш устроился, словно у себя дома, соорудил серьезную рожицу и всем, кто входил в кассу, рассказывал, что его мама пошла туда, в эти большие двери. Немало мимолетных ласковых взглядов было устремлено в это время на милого ребенка; какой-то пожилой господин даже сунул ему в озябшую ручонку маленькую плитку шоколада. Одним словом, мальчик прекрасно провел время на лестнице до тех пор, пока не вернулась мама и они вместе не отправились в дальнейший путь. Тут ему еще разок-другой приходилось ждать на улице, и он все глазенки проглядел, любуясь на чудесные вещи, выставленные в окошке магазина, перед которым мама велела ему дожидаться. Под конец, однако, у него очень зазябли ножки, и он уже готовился всплакнуть, но как раз в эту минуту вышла мама с большим пакетом в руках, – малыш пощупал его, – и двумя маленькими, один из которых ему даже пришлось нести. Чтобы освободить руки, он сунул шоколад и другие попутно собранные редкости в карман, – замечательный карман, которым он гордился, как подобает настоящему мужчине, – и зашагал весело к дому. Там мама сняла с него сапожки:

– Батюшки! Да у тебя снова подошвам конец пришел! Покажи-ка ноги! Господи, да они у тебя совсем мокрые...

С глубоким вздохом разглядывала Анна новый предмет забот.

– Христос новые принесет, уж ты не беспокойся, – утешал мальчуган свою маму, нежно поглаживая ее лицо липкими от шоколада пальчиками.

– Христос многое мог бы принести, – вдохнула Анна, сжав на мгновение ладонями мучительно бившиеся виски.

Потом она стала готовить обед, что, впрочем, большого труда от нее не потребовало.

– Завтра будет говядина! – сказала она в утешение мальчугану, который, не выпуская из рук остатки коня, вскарабкался на свое место за столом и многозначительным взглядом поглядывал на суп из сушеной зелени и тарелочку жареного картофеля.

– Завтра будет говядина! – утешил Сережа скакуна, поглаживая его своей маленькой ручонкой. – Надо быть паинькой!

Мальчик усердно занялся уничтожением содержимого поставленной перед ним тарелки. Вдруг кто-то позвонил, и он чуть не полетел на пол вместе со стулом – так взволновал его неожиданный звонок.

– Христос, Христос! – кричал малыш, захлебываясь от радостного волнения. – Это Христос звонит!

– Только сиди смирно, милый, – сказала Анна серьезным тоном, – совсем смирно, слышишь, пока мама не вернется! Всегда надо слушаться, и когда мама не видит, тоже надо слушаться, – ведь Боженька всегда тебя видит, милый!

Мальчик разом присмирел.

– А Он разве потом все расскажет? – спросил он вполголоса.

– Да, все, как есть, расскажет.

Мама больше не слышала, что говорил смущенный мальчуган, – ее уже не было в комнате, она бросилась отворять дверь.

Звонил посыльный – молодой самоуверенный малый с лакейской внешностью и с лакейским же шиком одетый. На голове у него красовался кокетливо взбитый кок, а вздернутый нос выражал легкое презрение ко всем на свете. В руках у посыльного был сверток, который он немедленно стал распаковывать. Анна побледнела, увидев перед собой злополучную вышивку в том виде, в котором она оставила ее в магазине.

– Хозяин велел вам передать, что у него были страшные неприятности из-за вас с княгиней Н., заказавшей подушку. И вычистить ее тоже нельзя было, не из-за красок. Краски бы выдержали, но вот в самой материи несколько мест совсем попорчено, словно выжжено. Это, должно быть, стеклом горячим спалило от лампы... Вам придется заплатить пятнадцать рублей за приклад.

Анна совсем упала духом. Этого еще не доставало! Восемь... почти девять дней проработать с утра до ночи, ни гроша за это не получить да еще приплатить – шутка ли! – целых пятнадцать рублей! Однако женщина сделала над собой последнее усилие, обещала отработать после праздников причитающуюся сумму и проводила посыльного до дверей. Больше у нее сил не было. В полном изнеможении она опустилась на табурет, стоявший посреди крошечной кухни, и вновь горько-горько заплакала.

III

Мальчику надоело сидеть тихо, и, как только голоса стихли, он осторожно сполз с высокого стула, прокрался в кухню и неслышно подошел к матери:

– Мамочка!

Но Анна вся ушла в свое горе:

– Иди играть, Сереженька, милый, иди, правда, поиграй... дай маме поплакать! О, эти заботы, эти ужасные заботы! Нет им конца! Все растут и растут!

Ребенок не двигался с места, погруженный в думу: какая-то мысль пришла ему в голову.

– А ты их поливаешь?

– Кого поливаю, детка моя?

– Заботы, мамочка. Ты их поливаешь, поэтому они так скоро растут?

Анна смотрела на мальчика в бессознательном оцепенении.

– Ну, мама, ну ты ведь розу поливаешь, чтоб она росла, – пояснил Сережа свою мысль.

– Да, я их поливаю, – отвечала она, всхлипывая, – смотри, как я их поливаю: горькими-горькими слезами...

Слезы лились из ее глаз неудержимым потоком. Мальчуган постоял еще минутку с печальным видом, потом побежал в свой уголок с жалкими игрушками, порылся там немного и снова вернулся к матери в кухню – на сей раз с видом вполне уверенным.

– Не плачь, мама, не надо, милая, хорошая мама, перестань, – я вот тебе картинку подарю, смотри, какую красивую... с царем...

Анна ласково отвела пухлую ручку, потом охватила маленькое тельце сынишки и с нежностью прижала его к своей груди.

– Не надо! Спрячь свою картинку, потом с ней играть будешь!

– Нет, это мамина пускай будет, мамина! – настаивал Сережа, суя ей в руку «картинку». – Смотри, какой царь красивый нарисован!..

Анне совсем не хотелось слышать ни о каком царе. Она взяла подарок, чтобы куда-нибудь отложить, не глядя. Совершенно случайно взгляд ее упал на скомканную картинку – дрожь пробежала у нее по всему телу; она не поверила своим глазам:

– Господи!.. да что же это... Неужели?!.

Она поднесла клочок бумаги поближе к свету, к глазам, она вертела его во все стороны – клочок бумаги оставался тем, чем он был на самом деле – пятисотрублевым банковым билетом с портретом Петра Великого...

– У меня и другие есть, много, – хвастался мальчуган, гордый успехом придуманного им утешения. – Вот, смотри!

И перед изумленными, еще мокрыми от слез глазами Анны предстало сразу десять «картинок с царем» – пять тысяч рублей, целое состояние!

– Сережа, голубчик! Откуда у тебя эти картинки?

– Нашел! – радостно объяснил тот. – На большой лестнице, у большого дома. Они там лежали, а я их нашел!

Пять тысяч! Да это спасение, избавление от всех забот, надолго, на целые годы! Это – отдых усталому телу, воспаленным глазам, конец душевной муке, покой, мир, верный кусок хлеба!

Какое искушение! Отчего бы ей не оставить у себя этих денег, словно с неба свалившихся к ногам ребенка... Отчего бы ей хотя бы одну или две из этих бумажек не удержать: ведь, если кто-то может пять тысяч рублей носить в сберегательную кассу, этому кому-то, наверное, нетрудно уделить частичку от своего избытка?

Анна поглядела на свое поношенное платье, поглядела на Сережу, на его сто раз заплатанную курточку, вспомнила про разорванные сапожки, разбитую лампу, про квартиру, за которую нечем будет заплатить на днях, про долг г-ну Дольфусу, вспомнила, с какой нуждой ей придется бороться скоро, сейчас же... А здесь перед нею на столе... вот оно – счастье! Вот он – покой!

Она наклонилась к ребенку.

– Сереженька, никто не видел, как ты нашел картинки? – прошептала она охрипшим от волнения голосом. – Никто, ни один человек?

Мальчик покачал своей кудрявой головкой:

– Никто, мама, совсем никто... нет... только... только Боженька!

Анна вся съезжилась, словно ее ударили бичом. Сердце у нее захолонуло, еще мгновение – и слезы бы вновь брызнули у нее из глаз. В неудержимом порыве сжала она малютку в своих объятиях.

– Радость ты моя, сокровище мое, ты прав, голубчик! Пусть! Лучше мы с тобой всю жизнь голодать будем, но этого твоя мама не сделает...

Ребенок кивал с серьезным видом, хотя, конечно, не понимал того, что говорила его мама. Главное – мама снова улыбалась и целовала его, и для него все было в порядке.

Потом Сереже нужно было немного поспать после обеда. Мягко взбила ему мама постельку, и он быстро заснул, обнимая свою лошадку.

А бедная Анна тем временем побежала в сберегательную кассу. Едва переводя дух, подошла она к конторке справиться, не заявлял ли кто о потере денег. Конторщик ничего еще не

знал, но все же записал фамилию Анны и ее адрес, выдал ей расписку о приеме заявленной ею находки и отпустил женщину с учтивым поклоном.

IV

И вот она уже близится, святая ночь...

Анна вышла ненадолго из дома, чтобы на оставшиеся гроши закупить кое-что из самого необходимого на завтрашний день. Перед уходом она строго-настрого приказала Сереже быть пайнкой, так как скоро придет Младенец Христос. Мальчик остался один в квартире, стараясь оправдать надежды матери и весь отдавшись своему делу.

Он совсем не слышал, ни как в дверь несколько раз позвонили, а затем отворили ее, ни как в комнату вошла пожилая дама. Только увидев гостью, Сережа прервал свое довольно странное занятие: он старательно поливал из чашки водой своего несчастного коня.

– Что ты тут творишь, голубчик? – спросила дама.

Он не сразу ответил. Неожиданное появление гостьи так изумило его, что остаток воды вылился ему на одежду; и теперь он в немалом смущении оглядывал свой костюм, беспорядок которого его, видимо, беспокоил.

– Я лошадь свою поливаю! – сказал Сережа, немного оправившись. – У нее головы нет и хвоста, и ушки потерялись, и ножки – теперь пускай снова вырастут!

Дама залилась веселым смехом.

– Ах ты, глупенький! Погляди, как ты вымок! А где же твоя мама?

– Мама у Христа... А ты не Христос? – спросил он у дамы, задумчиво в нее вглядываясь.

– Нет, я не Христос, – ответила дама, не переставая смеяться. – А ты не тот ли мальчуган, что мои картинки нашел?

– Да! – утвердительно мотнул головой Сережа. – Только мама их унесла; Христос мне другие картинки принесет... Вот я лошадку водичкой поливаю, – продолжал он с жаром, – а мама заботы поливает... И они у нее растут, растут... Знаешь, чем она их поливает?

Дама перестала смеяться и смотрела на ребенка, силясь понять его болтовню.

– Горькими-горькими слезами! – закончил Сережа с бессознательным пафосом свою речь.

Глаза пожилой дамы тоже наполнились «горькими-горькими слезами». Она склонилась к нему и с нежностью привлекла к себе.

– Какой странный ребенок! – шепотом произнесла она.

Потом она встала и встряхнула свое дорогое бархатное пальто, слегка пострадавшее от разлитой воды.

– Передай поклон твоей маме. Я еще приду сюда. Ну, будь здоров, да благословит тебя Господь! До свиданья, мой милый, маленький, мокрый мышонок!

Старая барыня ушла, и Сережа счел небесполезным принять некоторые осушительные меры и, насколько возможно, устранить следы наводнения. Потом пришла мама – такая усталая, печальная. Рассказ мальчугана о «тетке», которая была и хотела еще прийти, не произвел на Анну особенно успокоительного впечатления. Сережа не сказал, что тетя спрашивала про найденные ее «картинки», и молодая женщина терялась в догадках, кто бы мог удостоить ее своим визитом. Уж не княгиня ли Н., чью подушку Анна испортила? Так ничего и не придумав, Анна решила заняться мальчиком.

– А теперь, Сережа, пойди на кухню, а мама в это время форточку откроет, чтобы мог влететь Ангел и возвестить о пришествии Христа!

У мальчугана от ожидаемого блаженства заблестели глазки, и он послушно удалился из комнаты. Тем временем Анна достала припрятанную в коридоре крошечную елочку, воткнула

ее в свободный цветочный горшок, прикрепила к ее веточкам несколько маленьких свечек и пару красных сахарных крендельков, а у подножия елки разложила пряники. Затем настала очередь большого пакета, из которого появился гордый, серый в яблоках, рысак на колесах, честь и слава того магазина-базара, где все вещи продавались по 50 копеек... Когда все было устроено, Анна крикнула в щелку кухонной двери:

– Ну, вот, сейчас прилетит Ангел и придет Христос!

V

Вдруг на лестнице действительно послышались тяжелые шаги. Кто-то поднимался на четвертый этаж... Шаги все ближе, ближе... Резкий звонок раздался как раз в тот момент, когда Анна зажгла последнюю свечку.

Немного перепуганная, она поспешила отворить дверь.

Перед нею стоял чопорный лакей в темной щегольской ливрее.

– Госпожа Анна Стрелкова? – спросил он, снимая шляпу.

– Это я.

Он сделал шаг назад и внес в переднюю великолепную лошадь-качалку, взнузданную и оседланную, как полагается лучшему верховому коню. Даже хлыстик был прикреплен на пуговке сбоку от седла. Затем лакей быстрым движением достал из бокового кармана и передал онемевшей от изумления Анне письмо. И не успела она оправиться и открыть рот, чтобы спросить, что все это значит, – лакея и след простыл.

Ей ничего не оставалось, как внести коня в комнату и поставить рядом с дешевой клячей. Сереже уже не терпелось, и он стуком в дверь напомнил матери о себе. Чтение письма пришлось поневоле отложить.

– Динь-динь-динь! – крикнула Анна, стараясь подражать звонку.

Мальчуган как буря ворвался в комнату, но тотчас остановился, пораженный представившимся ему зрелищем. Несколько секунд глубочайшей тишины и самого сосредоточенного молчания сменились таким диким ликованием, таким взрывом переполнившего грудь радостного чувства, что Анне пришлось даже закрыть уши.

– Эй! Эй! Эй! – кричал Сережа на все лады, в бешеном восторге обнимая арабского коня и целуя его в морду, и в гриву, и в челку.

Не было пределов радости ребенка, и залюбовавшаяся им мать даже на несколько мгновений забыла о письме, принесенном лакеем вместе с лошадью. Наконец, она вспомнила о нем, взяла со стола, вскрыла... – и по мере того, как глаза ее пробежали коротенькую записку, они становились все шире и светлее.

«Милостивая государыня! – значилось в записке. – Вручая вам при сем причитающуюся вам долю находки в размере 500 рублей вместе с моей искреннейшей благодарностью, вызываемой вашим похвальным поступком, прошу вас, вместе с тем, позволить приложить еще небольшую сумму на воспитание вашего милого ребенка. Это уже старуха-мать обращается к вам с такою просьбою: она делится с вами своим излишком. Мысль о том, что сегодня, когда все под сенью елки празднуют Рождество Христово, ей удастся хоть немного облегчить вам гнет забот, делает ее счастливою. Не лишайте ее этого счастья и позвольте ей и на будущее время не забывать вашего милого мальчугана». Внизу стояла подпись известной в городе меценатки.

И вот снова лежат перед Анною «картинки с царем». Три банковых билета – полторы тысячи рублей... Меньше, чем пять, но зато это ее деньги, ее собственные, ее по праву!

Отовсюду был слышен радостный звон колоколов. Анна опустила на колени и, прижимая к сердцу ребенка, повернулась с ним к образу в углу. По ее бледному лицу снова неудержимо потекли слезы, но в этот раз не горем вызваны они, а радостью, – тихой радостью, пол-

ной благодарности к Всевышнему. И торжественно гудели колокола, напевая священный гимн свой, и весь воздух был наполнен их ликующим звоном.

Сережа застыл на минутку в объятиях матери, вдумчиво прислушиваясь к перезвону колоколов. Потом вдруг высвободился из ее рук.

– Мама, мама! А ведь Христос меня очень любит: он мне двух новых лошадок принес! – воскликнул он совершенно неожиданно. – Вот хорошо-то!

Николай Николаевич Туроверов

Сочельник

Темнее стал за речкой ельник.
Весь в серебре синеет сад,
И над селом зажег сочельник
Зеленый медленный закат.
Лиловым дымом дышат хаты,
Морозна праздничная тишь.
Снега, как комья чистой ваты,
Легли на грудь убогих крыш.
Ах, Русь, Московия, Россия,
Простор безбрежно снеговой,
Какие звезды золотые
Сейчас зажгутся над тобой.
И все равно, какой бы жребий
Тебе ни бросили года,
Не догорит на этом небе
Волхвов приведшая звезда.
И будут знать и будут верить,
Что в эту ночь, в мороз, в метель
Младенец был в простой пещере
В стране за тридевять земель.

1926

«Выходи со мной на воздух...»

Наташе Туроверовой

Выходи со мной на воздух,
За сугробы у ворот.
В золотых дрожащих звездах
Темно-синий небосвод.
Мы с тобой увидим чудо:
Через снежные поля
Проезжают на верблюдах
Три заморских короля;
Все они в одеждах ярких,
На расшитых чепраках,
Драгоценные подарки
Держат в бережных руках.
Мы тайком пойдем за ними
По верблюжьему следу,

В голубом морозном дыме
На хвостатую звезду.
И с тобой увидим после
Этот маленький вертеп,
Где стоит у яслей ослик
И лежит на камне хлеб.
Мы увидим Матерь Божью,
Доброту Ее чела, –
По степям, по бездорожью
К нам с Иосифом пришла;
И сюда в снега глухие
Из полуденной земли
К замороженной России
Приезжают короли
Преклонить свои колени
Там, где, благостно светя,
На донском душистом сене
Спит небесное Дитя.

1928

Марина Валерьевна Кравцова

Подарки для Христа

Дети радовались подаркам. Для каждого под мохнатой сияющей елкой прятался красочный пакет с этикеткой, на которой было крупно написано: «Косте», «Маше» или «Володе». Один за другим ребяташки выуживали пакеты из-под еловых лап, по складам читали надписи, забирали каждый свое и тут же раскрывали с нетерпением.

В пакетах обязательно находились кукла, машинка или мишка и множество сладостей: яблоки и печенье, конфеты и пастила, даже маленькие пирожные в прозрачных упаковках. Это Мишины родители, пригласив гостей в день рождения главы семьи, уговорили непременно прихватить с собой малышкой и приготовили для каждого подарок, сложив их в Мишиной комнате. Ведь совсем недавно все встретили Новый год.

Самый старший из детворы, Костя, ходил во второй класс и считал себя очень большим и важным по сравнению с «мелюзгой». Он не стал сразу запихивать сладости в рот, как делали его товарищи, часть отложил, чтобы угостить потом бабушку.

Дети уплетали сначала самое вкусное.

А маленькая Маша вдруг отказалась от пирожного.

– А мама не ест, – пояснила она, – говорит: нельзя пока.

– Почему нельзя?

– Боженька не велит!

– Почему, почему не велит? – дергала Машу Людочка.

– Не велит! – Маша нахмурила лобик, потом с важностью произнесла: – У нас сейчас пост! Ну, это значит, нельзя есть колбасу и сосиски, пить молоко, есть пирожные и торт. Я сосиски не ем, а мама и папа и молоко, и пирожные тоже...

Действительно, Машины родители строго соблюдали пост. Дети были удивлены. Никто, кроме Кости, который посетил несколько занятий в воскресной школе, ничего не знал про пост. Машенька, почувствовав в себя в центре внимания, оживилась.

– Мы даже на Новый год торт не ели! – гордо доложила она. – Мама с папой вообще не ели, а я съела совсем маленький-маленький кусочек. А вот яблоки я ем! – Машенька с любовью поглядела на яблоко, которое держала в ладонях.

Она не могла жить без яблок. Машины родители, зная это, специально положили в пакетик с ее именем огромное красное яблоко, которое как будто прикатилось из сказки: оно блестело, казалось, даже светилось. Маша никак не решалась его надкусить.

– А вы теперь всю жизнь так будете? – ужасаясь, прошептала Людочка.

– Нет! Вот будет у Боженьки день рождения, тогда все будем есть: и конфеты, и торт, и куриный суп. А если мы до этого съедим – Боженька обидится. Это мы к Его дню рождения готовимся.

– Как, у кого день рождения? – загалдели ребята.

Машин взгляд упал на висевшую в углу большую икону Божьей Матери. И она ткнула пальчиком в сторону Младенца, Которого держала на руках Пресвятая Мария.

– У Него!

Это была новость. Никто не знал, что у Бога может быть день рождения. Только Костя об этом знал.

– Это Рождеством называется, – начал он просвещать ребят, – нам в школе говорили. Это большой праздник. Он будет седьмого января.

– А мы пойдем к Боженьке на день рождения! – весело выпалила Машенька, подкидывая свое чудесное яблоко и ловя его в ладошки.

– А куда? Куда пойдете? – вновь засыпали ее вопросами.

– В церковь! Там будут елочки стоять, мама говорила. И будет много-много людей. Там еще икона есть, вот такая, – Маша кивнула головой в сторону образа. – Только большая-большая. Больше меня. И тут вот Боженька прямо на меня смотрит, а там от меня в сторону смотрит – на Свою Маму.

– А ты ему подарки понесешь? – пискнула Людочка.

Вопрос застал врасплох малышку. Она не думала еще об этом, но важно подняла белокурую головку с огромными синими бантами и ответила:

– Конечно, понесу!

– А что ты Ему подаришь? – не отставала Людочка, в упор глядя на Машу большими глазами. Но тут вмешался Костя.

– Что ты ему подаришь? Он ведь Бог, у Него все есть. Нам батюшка рассказывал. Он все создал и все – Его.

– Все равно подарю! – возразила Маша. – Я Ему яблок принесу!

Костя засмеялся:

– Нужны Богу твои яблоки!

Маша обиделась.

– Нужны, нужны. Он возьмет!

На Костю упрямство нашло.

– Не возьмет. Он Сам все сады посадил. Все яблоки и так Его.

Маша вспыхнула, потом притихла. На глаза навернулись слезы. Неужели и впрямь Боженька не возьмет от нее подарок? Она робко взглянула на икону. Христос смотрел прямо на нее. И казалось, чего-то ждал. Она схватила табурет и потянула его к углу, где стояла икона. На ее счастье, образ висел низко. Маша вскарабкалась на табурет и встала перед иконой. Глядя прямо в строгие очи Младенца Христа, протянула Ему свое замечательное яблоко.

– На, Боженька, возьми! С днем рождения Тебя!

Христос продолжал вдумчиво, не по-детски глядеть на Машу, Божья Матерь смотрела на девочку с материнской теплотой и ласковой грустью.

– Возьми, – лепетала Маша, – это я Тебе дарю. Смотри, какое хорошее!..

Ее большие голубые глаза наполнились слезами.

– Ну, пожалуйста, возьми! – от всего сердца прошептала она.

И вдруг... На глазах у изумленных ребят изображение задвигалось, икона ожила.

И все увидели, как Христос протянул к Маше тонкую белоснежную руку...

Прошло несколько секунд. Все было по-прежнему. Недвижимая плоская икона... Спаситель и Мария серьезно смотрят на ребят. Но... яблока нигде не было!

Маша спрыгнула с табурета, стала радостно бегать по комнате, хлопать в ладоши и танцевать. Ее белые косички, казалось, танцевали вместе с ней, легкие кудрявые прядки выбились из прически на лоб.

Ребята вдруг зашумели, повскакивали с мест все до одного и бросились к образу.

Все держали в руках свои пакеты с подарками. В минуту полочка перед иконой оказалась завалена горкой конфет, печенья, игрушек...

– Возьми, с днем рожденья, Боженька! – галдела детвора.

И Костя, который спорил с Машей, тоже положил перед иконой свой пластмассовый ярко-синий вертолет и от души прошептал:

– С днем рождения, Христос!

Казалось, что образ просветлел, и Христос глядел лучезарнее и лик Богородицы тонко сиял. И хотя Господь уже не протягивал руку с иконы и не брал подарков, но душа каждого

ребенка наполнилась такой радостью, какую не приносили им никогда ни Новый год, ни день рождения, ни самые большие куклы, ни самые красивые вертолеты. И каждый в своем маленьком сердце чувствовал, что его подарок принят Боженькой, что Боженька рад ему. И что отныне хочется всегда, всегда приносить Богу подарки.

С днем Рождения, Христос!

Ирина Сергеевна Роголёва

Найденный крест

Спрятав замерзший нос в вытянутый ворот свитера, Лешка шел домой по запасным путям. Домом его был старый вагон, доживавший свой век в отстойнике в дальнем углу Московского вокзала.

Раньше он жил вместе с взрослыми бомжами в подвале дома, идущего под снос. Спал, как и все, на наваленных на полу старых матрасах, готовил на керосинке. Когда здание начали рушить, перебрался жить на вокзал.

Сегодня Лешка собирался отметить свое десятилетие. Напитки для гостей – жестяные разноцветные банки с коктейлями, шампанское и ореховый торт с розочками из сливочного крема – были куплены заранее, а тетя Рита обещала приготовить для праздничного стола большую кастрюлю салата «Оливье». Гости ожидалось четверо: Пашка, Жека, все та же тетя Рита и дядя Сережа.

Самый дорогой гость – дед Андрей прийти не мог, потому что лежал в больнице.

Блиzkих друзей у Лешки не было, бездомная жизнь приучила его к правилу – каждый за себя, но приятели имелись – двенадцатилетние близнецы – Пашка Таракашка и Жека Кривой Зуб. Пашку прозвали Таракашкой, потому что он, несмотря на смелый характер, очень боялся тараканов, в изобилии живущих в вагоне, а кривой зуб Жеки был, как говорится, налицо и помогал отличать его от брата. Эта парочка, как и Лешка, промышляла попрошайничеством в пригородных электричках.

У Пашки был актерский талант, он умел так вызывать жалость, что ему подавали даже милиционеры, поэтому Жека, одевшись победнее, просто ходил рядом с ним с шапкой в руках.

Вокзальную буфетчицу тетю Риту любили все малолетние бомжики. Она их подкармливала, пришивала вечно отрывающиеся пуговицы, покупала на свою небольшую зарплату одежду в «сэконд хенде», а иногда, когда мужа не было дома, брала к себе домой помыться.

Ее супруг, обходчик путей дядя Володя, бомжей – и детей, и взрослых – на дух не переносил и жене запрещал им помогать. Но она, сердобольная, не могла отказать в помощи бездомным детям.

Маргарита впервые увидела восьмилетнего грязного Лешку, когда он проскользнул в ее буфет, чтобы стащить объедки с чьей-нибудь тарелки. Проработав всю жизнь на вокзале, буфетчица с первого взгляда распознавала своих посетителей. Подозвав мальчика, она сунула ему сдобную булку и чашку бульона:

– Иди отсюда, сынок. Поешь в укромном местечке. Здесь тебе находиться нельзя, охрана может увидеть.

Леха, схватив угощение, мгновенно исчез. Вечером Маргарита обнаружила на стойке залапанную чашку с запиской внутри – «Спасибо тетя. Вовек не забуду вашей доброты». «Ишь ты, – она вытерла слезу, – какой благодарный парнишка. Надо с ним поближе познакомиться».

Так началась дружба Лешки с тетей Ритой. Сначала он очень хотел, чтобы она взяла его к себе жить, но, увидев дядю Володю, думать об этом перестал.

Бездетная Маргарита сильно привязалась к смышленому доброму мальчику. Лешка не знал, что однажды, набравшись храбрости, она предложила мужу его усыновить.

В ответ супруг приставил палец к своему виску, подкрутил какой-то винт и, набирая обороты, сообщил жене все, что думает об ее умственных способностях. Затем припомнил, начиная с первого семейного дня, все Маргаритины траты на «непонятно кого» и так далее. Через час его «завод» кончился, и он ушел пить пиво с друзьями.

Если бы Владимиру сказали, что бездомные детишки считают его злым человеком, он бы удивился. Напротив, пожилой обходчик был уверен, что он хороший человек.

А то, что он бомжей на дух не переносит, так это нормально. Вы сами-то их душок нюхали? И про детей он бы объяснил. Зачем ему чужие дети? Он своих двоих от первой жены на ноги поставил, демографический долг исполнил. Теперь их очередь этот долг отдавать. А то, что они не торопятся детей рожать, хотят для себя пожить – добра нажать, так это правильно. Время сейчас такое – думать только о себе. А о ком еще-то?

«Быстрее бы дед Андрей поправился, – думал Лешка, ловко перепрыгивая через обледенелые шпалы, – это был бы для меня самый лучший подарок. Даже лучше мобильного телефона, который обещал мне подарить дядя Сережа».

Подарки ему дарили не часто, точнее, единственный раз – пять лет назад, когда родители впервые отметили его день рождения. Игрушками они сына не баловали, все деньги уходили на водку и немудреную закуску.

Тогда, на пятилетие мальчика, баба Рая, соседка по коммуналке, подарила ему зеленый танк с красной звездой на боку. И хотя было видно, что им играло не одно поколение мальчишек, танк Лехе очень понравился. Мать где-то раздобыла книгу сказок Андерсена с красивыми картинками. Лешке очень хотелось узнать, что там написано, и он уговорил бабу Раю научить его читать.

И что было совсем удивительно, отец, пребывающий в редком для него добром расположении духа, подарил ему ядовито-зеленого зайца, который, несмотря на редкий окрас, стал Лешке самым близким другом.

Он назвал зайца Лягушонком и никогда с ним не расставался: гулял с ним, спал, прятался под столом от страшного мутного пьяного отцовского взгляда. Жаловался зеленому другу на голод, холод и жестокие побои, а однажды, когда ему было семь лет, поделился заветной мечтой – сбежать из дома.

Лешка был уверен, что готов к взрослой жизни. Он умел курить, виртуозно материться, врать с честным лицом, брать, что плохо лежит. Только спиртное пить не мог из-за аллергии на алкоголь. Благодаря этому он не спился и не стал в дебилом. Мальчишка он был смысленный и физически сильный.

К побегу из дома Лешка готовился тщательно. Загодя он начал сушить сухари и копить деньги, которые потихоньку таскал у родителей и их собутыльников. Пакет с деньгами мальчик хранил под деревом во дворе.

Наступила весна, появилась первая нежная зелень, день стал длиннее. Однажды, вернувшись с улицы в квартиру, наполненную запахом протухшего чего-то, Лешка каждой своей клеточкой ощутил царящую вокруг мерзость и решил, что пришло время побега. Он вынул из-за шкафа мешок с сухарями, сунул в него потрепанного Лягушонка и вышел на улицу.

Оставалось достать накопленные деньги. Поглядывая по сторонам, мальчик сноровисто разрывал руками землю, как вдруг его ладонь на что-то наткнулась. Это был старый нательный крестик. Мальчик очистил его от налипшей грязи и, с трудом разобрав затертые буквы, прочитал вслух: «Спаси и сохрани». Лешку окатила волна жалости – крестик его просил спасти и сохранить! «Куда мне тебя деть? Ты же такой маленький». Мальчик высыпал в карман из пакета все деньги и завернул в него находку.

С тех пор крестик всегда был с ним. В трудные минуты он доставал его и говорил: «Видишь, я храню тебя, как ты просишь, и ты помогай мне».

Родителей с тех пор Леша не видел, а они и не пытались его искать. Мать в редкие моменты между запоями смутно вспоминала, что у нее когда-то был сын, но куда он делся – то ли вырос и женился, то ли умер – не помнила. Она забыла его имя, да и свое называла не всегда.

На Московском вокзале Лешка жил больше года. Он быстро изучил все щели и закоулки огромной территории, которая пришлась ему по вкусу, – можно и подработать, и стащить что

плохо лежит. Во время облав ему всегда удавалось улизнуть от милиционеров, а значит, не попасть в приемник-распределитель, из которого было лишь две дороги – в интернат или в колонию для несовершеннолетних, а и того, и другого он боялся, как огня. Друзья-приятели, сбежав из этих заведений, взахлеб рассказывали о жестоких воспитателях и издевательствах старших товарищей.

Хотя Лешке было всего девять лет, его уважали и ровесники, и ребята постарше. Авторитет он заработал смекалкой, честным отношением к товарищам, и еще ему помогал талисман, о котором никто не знал.

Однажды в конце осени мальчик, насмотревшись на солидных москвичей, решил переехать жить в столицу. «Москва – город богатенький, – размышлял он, – сколько народу там живет, всем места хватает. Глядишь, и я пристроюсь».

Новоиспеченный путешественник, без пяти минут москвич, Лешка, спрятавшись в одном из вагонов экспресса, ехал в столицу, мечтая о будущей шикарной жизни. Пределом его вожделений была огромная квартира рядом с Красной площадью, заставленная аппаратурой, компьютерами и холодильниками в каждой комнате и даже ванной, набитыми до отказа всякой вкуснятиной.

Ленинградский вокзал мальчика разочаровал, оказавшись братом-близнецом Московского. Да и местные бомжи, сразу вычислив чужака, посоветовали ему идти куда подальше от их вотчины.

Москва Лешке не понравилась. Суетно, шумно, все куда-то спешат. Ему даже показалось, что столица очень похожа на вокзал, только большой. Прогулявшись по Арбату, он вскоре повернул назад и, разыскав готовящуюся в обратный путь «Красную стрелу», заранее обосновался в своем потайном месте.

В Петербург поезд прибыл ранним утром. Спать не хотелось, и Лешка решил прогуляться. Пройдя всю Гончарную, он повернул направо, прошел еще немного и вдруг увидел белоснежную церковь с золотыми куполами, окруженную лесами. «Сколько же времени я здесь не был, – растерялся мальчик, глядя на нее во все глаза, – откуда она взялась? Как из-под земли выросла». Он подошел поближе и прочитал: «Собор Феодоровской иконы Божьей Матери».

«Вспомнил! Дядя Сережа говорил, что здесь была старая заброшенная церковь. Нас еще взрослые бомжи пугали, что из нее по ночам раздается чье-то пение». Лешка обошел вокруг собора в поисках входа, с удовольствием вдыхая запах свежесрубленного дерева, но внутрь попасть не смог – двери были закрыты. Тогда, протиснувшись сквозь доски, он прикинул к окну.

– Эй, парень, ты чего здесь лазаешь? – неожиданно раздался чей-то голос у него за спиной, – дело лутаешь или от дела плутаешь?

– Да я, дяденька, просто смотрю. – Лешка обернулся и увидел бородатого старика, который, улыбаясь в усы, смотрел на него добрыми лучистыми глазами.

– «Просто смотрю», – передразнил его старик, – а ты приходи лучше помогать. Видишь, работы у нас невпроворот. Ты откуда взялся в такую рань?

– Я, дяденька, живу на вокзале, в вагоне.

– Понятно, – вздохнул старик, – бездомный. Есть хочешь?

– Хочу.

– Тогда садись. – Старик достал из сумки пластиковые контейнеры и расставил их на свежеструганном бревне. – Меня, кстати, Андреем Петровичем зовут.

– А меня Лешкой, – с набитым ртом сказал мальчик.

– Да ты, Алексей, похоже, три дня не ел.

Я даже молитву не успел прочитать, а ты уже лопать начал.

– Я, дяденька, вчера ел. Просто у меня аппетит хороший, – засмеялся Лешка и нарочито медленно взял второй бутерброд. Мгновенно его проглотив, он потянулся за следующим:

– А зачем молитву перед едой читать? Что, еда от этого вкуснее будет?

– Конечно.

Лешка вытарашил глаза от удивления и даже перестал жевать.

– Я пошутил. Молитву читают, чтобы Господь благословил пищу, которую Он нам дает. А после трапезы надо Бога поблагодарить.

– Мне еду никто не дает. Я сам ее достаю. Либо покупаю, либо... – Лешка запнулся, – беру. Поэтому мне благодарить некого.

– Да, брат. У тебя налицо полная духовная безграмотность. Придется взять тебя на поруки. – Старик погладил мальчика по голове и почувствовал, как тот замер под его ладонью. «Да ведь он совсем ласки не знает», – сердце Андрея Петровича сжалось от боли. Он осторожно притянул мальчика к себе и обнял. Неожиданно для себя Лешка обхватил его руками и уткнулся в грудь. «Может, это мой дедушка», – мелькнула мысль. И тут же отозвался на нее Андрей Петрович:

– Зови меня дед Андрей. Меня так все зовут, – крепко пожал старик руку мальчика, – рад знакомству. Кстати, Алексей, я здесь сторожем работаю, а когда собор откроют, Бог даст, буду алтарничать.

– Чего будете делать?

– Эх, я же говорю – безграмотность, – вздохнул дед Андрей. – Я потом тебе все объясню.

Пока сторож убирал остатки еды, мальчик исподтишка его рассматривал. За свою не долгую, но богатую событиями жизнь, он не хуже психологов научился распознавать людей, мгновенно оценивая их по манере держаться, по речи, по одежде. Бедных от богатых Лешка мог отличить даже по запаху. Это не означало, что бедные люди плохо пахли. Неприятно пахли грязные, а бедность зачастую отдавала тонким ароматом чистоты.

Дед Андрей выдержал экзамен на пятерку. Он неторопливо, уверенно двигался, говорил мягко, убедительно, с уважением к собеседнику. Пахло от него почему-то воском. Глаза у него были добрые-предобрые, ярко-синие и совсем не стариковские.

Андрей Петрович был вдовцом. Своих родных он похоронил давно – тридцатилетний сын погиб, защищая от хулиганов незнакомую девушку. Сердце матери не выдержало такого горя, и она ушла вслед за ним.

После смерти жены Андрей Петрович начал пить по-черному. Так бы и спился на радость врагу рода человеческого, если бы друг не привел его в Александро-Невскую лавру в «центр трезвения». Там Андрей Петрович пришел к вере, бросил пить с Божьей помощью и начал постигать азы Православия. Господь ему дал помимо золотых рук дар убеждения и самое главное – любящее сердце, поэтому к нему всегда тянулись люди за помощью. Андрей Петрович помогал кому советом, кому трудом, пока силы еще были, кому деньгами. Случалось, что последнюю копейку отдавал, а товарища выручал.

Страдания от потери сына и жены утихли, душа успокоилась, а вот сердце, наоборот, стало напоминать о себе болью. Да так разошлось, что за последний год перенес Андрей Петрович два микроинфаркта. Врачи, как всегда в таких случаях, запретили физические нагрузки и всяческие переживания. Да разве можно живому человеку не переживать?

Андрей Петрович наклонился, и из прорези его рубашки выскользнул крестик, такой же, как у Лешки.

– Дед Андрей, и ты тоже? – громким шепотом спросил мальчик, указывая на крест.

– Что я тоже?

– Спасаеть его и хранишь?

– Кого я спасаю? Ничего не понимаю, – Андрей Петрович присел рядом с мальчиком, – ну-ка, объясни все по порядку.

– Это у тебя что? – показал тот на крестик.

– Крест православный. – Сторож бережно убрал крест на место.

– Так у меня тоже такой есть. – Лешка достал свой талисман.

– Да ты брат, крещеный, – обрадовался дед Андрей, – а почему ты крест в кармане носишь, а не на груди?

– Я не крещеный. Это мой талисман. Я его под деревом откопал. Он попросил меня спасти его и сохранить. Вот я его и храню. – И мальчик рассказал историю с крестиком.

Андрей Петрович вытер слезы, выступившие от смеха:

– Это тебя крест спасает и сохраняет, а не ты его. Надо тебе, Алексей, окреститься и носить его на груди. У тебя когда день рождения?

– Седьмого января.

– Надо же, прямо на Рождество Христово. Вот мы тебя к этому дню и окрестим, если Господь управит. Хватит тебе нехристом ходить. Знаешь что, ты приходи ко мне завтра, я тебе книжек разных принесу. Читать-то умеешь?

– Еще как умею! Я вообще читать люблю. Особенно детективы и ужастики всякие.

– Ну, ужастиков у меня нет, но что-нибудь интересное я тебе подберу. Пойдет?

– Пойдет!

– Тогда до завтра, сынок, – перекрестил на прощанье мальчика дед Андрей.

Лешка еле дождался следующего дня. Он вскочил ни свет ни заря и начал торопливо одеваться, стараясь не разбудить соседа, который только улегся после ночной разгрузки вагонов.

– Ты время, часом, не перепутал? Сейчас только шесть утра! Куда собрался? – открыл глаза сосед дядя Сережа.

– Меня дед Андрей ждет, – шепотом ответил мальчик уже на ходу. Привычно сократив путь, он пролез под вагонами и еле сдержался, чтобы стремглав не пуститься по пустынному переулку мимо будки охранника.

Сторож тоже ждал этой встречи. Весь вечер он вдумчиво перебирал книги, что-то перечитывал, что-то пролистывал и, наконец, нашел, что хотел. Еще он нажарил огромных котлет и сложил их вместе с картошкой в кастрюльку. Укутывая ее в полотенце, Андрей Петрович улыбался, представляя, как обрадуется Лешка домашней еде, как будет урчать от удовольствия, лопаая котлеты и щедро политую маслом картошку.

Именно так все и вышло.

– Спасибо, дед Андрей, – мальчик привычно вытер рот рукавом засаленной куртки. – Ты книжку принес?

Андрей Петрович неторопливо развернул сверток и достал две книги.

– Эта книжка от моего сына осталась. Ты Марка Твена читал?

Мальчик мотнул головой:

– Дома у нас только сказки Андерсена были, мне их на день рождения мама подарила. А у бомжей я брал детективы и ужастики, они их из помоек достают.

– Зря достают, – усмехнулся дед Андрей, – им там самое место. Как же ты, мой хороший, без сказок вырос? Ты хоть про колобка слышал?

– Я анекдот слышал про колобка, хочешь, расскажу, он смешной.

– Нет, брат, анекдоты я не люблю, – покачал головой Андрей Петрович и взял в руки вторую книгу, – смотри, эта книга о жизни разных святых. Есть здесь и история жизни твоего тезки Алексея, человека Божия.

Мальчик схватил книгу:

– А здесь есть его портрет?

– Портрета нет, но есть икона. – Дед Андрей показал ее мальчику. – Вот он какой.

– Худой и одет совсем бедно, – разочарованно протянул Лешка.

– Одет-то он бедно, хотя сам был из семьи богатой и знатной. Он не захотел в роскоши жить и ради Господа начал вести нищую жизнь.

– А я, наоборот, хочу из нищего в богача превратиться!

– В богатстве ничего плохого нет, главное, правильно им распорядиться. Ведь деньги, как и все остальное, человеку Бог дает. А если ты будешь жадничать, все себе забирать, так Он богатство отнимет, и еще по шее получишь, в лучшем случае.

– Что-то я не слышал, чтобы кому-нибудь из богатеев Господь напощал. – Лешка перевернул страницу и увидел икону князя Александра Невского. – Вот это я понимаю – воин в доспехах, с мечом. Святой благоверный князь Александр Невский, защитник Русской земли, – прочитал он вслух. – И я хочу нашу страну от врагов защищать! – сверкнул он глазами. – Я в армию, в спецназ пойду!

– А документы у тебя есть, спецназ?

– Нет, – мальчик задумчиво покусал губы, – да это не проблема. Что-нибудь придумаю.

– А у меня сын в морской пехоте служил, – глаза старика затуманились, – он тоже с детства хотел родину защищать.

Лешка интуитивно понял, что с сыном деда Андрея стряслась какая-то беда.

– Дед Андрей, а почему этот собор называется Феодоровской иконы Божьей Матери? Что это за икона? – сменил он тему разговора.

– Никто не знает, как эта икона появилась, – Андрей Петрович перекрестился на собор и присел, – известно только, что уже в начале XII века стояла она в часовне у града Китежа.

– У того самого, который под воду ушел? – Лешка пристроился на бревне рядом со сторожем.

– Молодец! Знаешь! – Дед Андрей похлопал его по плечу. – Забыл сказать, что икона была написана святым апостолом Лукой.

– Это тот самый Лука, который Евангелие написал?

– Откуда ты все знаешь? – подскочил на месте дед Андрей. – Ты что, Евангелие читал?

– Не, я его только листал. Мой нынешний сосед дядя Сережа его часто читает. Он как-то начал его мне вслух читать, но я ничего не понял.

– Хороший, видать, мужик твой сосед. Помогли ему, Господи! Ладно, слушай дальше.

И не перебивай меня.

Значит, так, великий князь Георгий Всеволодович захотел перенести икону из часовни в город Кострому, но сдвинуть икону с места люди не смогли. Тогда на месте часовни князь воздвиг Городецкий монастырь, который был сожжен во время нашествия хана Батыея.

Все думали, что икона сгорела.

Однажды летом, году в 1239, если я не ошибаюсь, младший брат Александра Невского, князь Василий Костромской, поехал на охоту и обнаружил в лесу на дереве икону. Жители Костромы видели, что во время охоты князя какой-то воин, похожий на святого Феодора Стратилата, прошел по городу с иконой в руках. Опять-таки, как она оказалась в лесу, никто не знает, но икону назвали в честь этого воина и поставили в храм во имя этого святого.

Феодоровской иконой был благословлен на царство Михаил Федорович, первый царь из династии Романовых в 1613 году. Эта икона прославилась разными чудесами.

– Наверное, она много кому помогла, раз ей целый собор построили, – задумчиво протянул Лешка. – Дед Андрей, а как перед ней молиться?

– Говори так: Пресвятая Богородица, Матерь Божия, спаси меня, грешного. – Андрей Петрович поднялся и перекрестился.

Леха в точности все повторил за ним и спросил как бы невзначай:

– Дед Андрей, а ты один живешь?

– Распознал ты меня, бобыля, – старик ласково посмотрел на мальчика.

– А тебе не скучно одному жить?

– Скучно, – он притянул Леху к себе, и тот уткнулся лицом в белую, неожиданно мягкую бороду.

– Андрей Петрович, с кем это ты обнимаешься? – К ним подошел молодой священник.

– Алексей, познакомься, это наш отец Василий.

– Здравствуйте, – буркнул Леха, – ну, я пойду, – застенчившись батюшки, он торопливо убрал запазуху книги и ускользнул.

– Парнишка-то бездомный, много их сейчас, – вздохнул старик.

– Много, – согласился отец Василий, доставая ключи от храма, – ты, Петрович, езжай домой, ребята уже на подходе.

– Сейчас, батюшка, только отдохну... на минутку, что-то сердце защемило...

Старик долго сидел на бревне, глубоко вздыхая. Наконец встал и вдруг, прижав руку к груди, медленно завалился на бок.

У Лешки чесались руки быстрее открыть книгу. «Сначала прочитаю о русском богатыре, а потом Марка Твена, – размышлял он, входя на вокзал, – нет, сначала Марка Твена, а потом про богатыря. Надо бы завтра забежать к тете Рите, рассказать про деда Андрея», – вспомнил Лешка про Маргариту, с которой всегда делился новостями.

Но на следующий день ему не удалось дойти ни до буфетчицы, ни до собора. В Петербург прибыл какой-то твистер-министер (так сказали Пашка с Жекой), вокзал оцепили милицией, и вся бездомная братия сидела по вагонам, не высовывая носа. К тому же Лешка заболел ангиной. Сказались съеденные им на радостях три порции мороженого, запитые ледяной колодой.

Но даже сильная боль в горле и жгучие горчичники, которые передала тетя Рита, не умаляли радости, поселившейся в сердце мальчика после встреч с удивительным сторожем. «Быстрей бы поправиться и увидеться с моим дедом Андреем», – торопил он время. Но болезнь, как назло, затянулась, и выйти на улицу из душного вагона Лешка смог только через две недели, в течение которых каждый день рассказывал Пашке и Жеке о встрече с дедом Андреем, причем с каждым рассказом дед Андрей становился все моложе и богаче. К концу второй недели он помолодел до сорока лет, обзавелся машиной и превратился из сторожа чуть ли не в батюшку.

Близнецы догадывались, что Лешка привирает, но им так хотелось, чтобы все это было правдой, что они не уличали его в неточностях, а, наоборот, радостно восклицали, услышав новые подробности. Они отчаянно завидовали ему, но виду не показывали.

Ведь если это случилось с Лешкой, значит, и им когда-нибудь может привалить счастье, они вновь обретут семью и исполнят свою клятву.

Паша и Женя были долгожданными детьми у немолодой супружеской пары. Их отец, Леонид, был успешным бизнесменом, мать, Анна, – домохозяйкой. Свадьбу сыграли еще в институте. Аня сразу забеременела, но жить молодым было негде да и не на что, поэтому они решились на аборт. Родители их поддержали – «вся жизнь впереди, еще нарожаете».

Им было за тридцать, когда они решились обзавестись потомством. Но не тут-то было. Начались хождения по врачам, многолетнее лечение от бесплодия. Счастливая когда-то семейная жизнь превратилась в сплошное ожидание. Анна к тому же жила в постоянном страхе, что муж заведет на стороне роман, соперница родит ребенка, и он уйдет. Но Леня хотел детей только от своей супруги, хотя друзья и предлагали ему нанять суррогатную мать или взять ребенка из детского дома.

После сорока Аня решилась на искусственное оплодотворение и, забеременев с первой попытки, родила близнецов. К удивлению врачей, они оказались совершенно здоровыми. Леонид был счастлив, как никогда в жизни. На комнату малышей он потратил состояние, которого хватило бы на ремонт небольшого детского дома. Мебель, игрушки и даже обои были выписаны из Израиля, где и рожала жена. Огорчало одно: и его, и Анины родители ушли из жизни, так и не увидев долгожданных внуков.

Вскоре Леонид купил дом в Испании, и Аня с детьми стала проводить большую часть года на теплом побережье. Жизнь казалась ей сплошным праздником – прислуга взяла на себя все заботы по дому, воспитывать детей помогали две опытные няньки. Муж богател и потихоньку скупал недвижимость в соседних городках.

Они уже подумывали о постоянном проживании в Европе, но этому неожиданно воспротивились дети, заявив, что хотят жить и учиться на родине. Обожавшие их родители тут же изменили свои планы, и Анна, оставив детей под присмотром няnek, отправилась в Россию, чтобы подыскать для них достойную школу.

Рейс Барселона – Петербург задерживался на два часа, и это ее очень раздражало – муж не любил ждать. Вручив жене букет, Леня велел водителю ехать по объездной, чтобы успеть на совещание. Через пятнадцать минут в их машину врезалась фура, которую занесло на скользкой от дождя дороге. Анна и Леонид погибли мгновенно.

Партнеры по бизнесу устроили им пышные похороны. Недвижимость в Испании и России была куплена на подставных лиц, завещания не было – смерть не входила в бизнес-план Леонида, и близнецы в одно мгновение превратились из богатых наследников в обыкновенных, никому не нужных сирот. На похоронах родителей они не присутствовали. Один из компаньонов отца, заранее оформив все документы, привез их из Испании прямиком в реабилитационный центр.

Мальчикам казалось, что они попали в страшную сказку, которая вот-вот закончится. У Паши появились нервные тики, Женя начал заикаться, оба не спали по ночам.

Через полгода их распределили в детдом. Теперь они спали в одной комнате еще с четырьмя товарищами на старых кроватях. Мягкие матрасы и полы с подогревом, сауна и бассейн из их испанского дома казались им сном.

Женю, родившегося на минуту раньше брата, мама шуточно называла старшим сыном. Характер у него был упрямый и независимый, как у отца, и мальчик действительно чувствовал себя взрослее мягкого, покладистого Паши.

Однажды перед сном Пашка, в отсутствие брата, разоткровенничался с новыми друзьями и начал рассказывать им о жизни в Испании, о черном вулканическом песке, о летающих над волнами бесстрашных серфингистах и кайтерах. Но его дружно подняли на смех:

– Ой, не могу, он любит есть морепродукты!

– У них была своя яхта!

– Няня учила их испанскому!

– Из окна виллы было видно море! – передразнивали его дети.

– Насмотрелся фильмов о красивой жизни. Только в сериалах это и показывают, а сериалы смотрят бабки и девчонки! – заявил десятилетний Васек, старший в их комнате, – кстати, вы чем-то на девчонок и похожи. Такие же вежливые чистюли. Помню, помню, как вы сначала хныкали: «Вода холодная – мыться невозможно. Туалетная бумага жесткая, полотенца не так пахнут». Вы бы жили в одной комнате с тремя братьями и с вонючей старой бабкой, вам бы местная житуха раем показалась! – Он сплюнул сквозь зубы на дверь спальни, которую в этот момент открыл вернувшийся Женя. Пашка тогда еле сдержал слезы, а на следующий день, рассказывая брату о реакции друзей, не выдержал и расплакался.

– Мы должны стать такими же, как наш отец, – умными, сильными, богатыми. Ты не должен реветь. Давай поклянемся, что вернем нашу прежнюю жизнь, а на таких дураков, как Васек, не будем обращать внимания! – У Женки загорелись глаза и, подняв сжатую в кулак ладошку, он воскликнул: – Клянусь!

– Клянусь, – тихо повторил за ним Пашка, вытирая слезы.

Со временем Женя перестал заикаться, Пашины тики прошли, братья, втянувшись в детдомовскую жизнь, с головой ушли в учебу. Они были первыми учениками в классе, а о Женяных способностях к иностранным языкам говорила вся школа. Пашке пророчили актерскую стезю, своим талантом он выделялся на любом утреннике. Братьев полюбили и воспитатели, и дети, один Васек завистливо точил на них зуб, превратившийся со временем в клык ненависти. Слепо веря в победу силы над разумом, он усиленно накачивал мышцы и в одиннадцать лет стал первым силачом.

– Видали, какой у меня трицепс? А бицепс?! – постоянно надувался он перед братьями. – А вы – сморчки сушеные.

Обычно братья с силачом в разговоры не вступали, не давали повода к ссоре, но однажды Женя не выдержал:

– Сморчок – полезный и вкусный гриб, а ты, Васек, надуваешься, как гриб «дедушкин табак». На него ногой наступишь, он лопнет, и черный дым из него повалит, как из тебя глупость и злость.

Васек только и ждал повода для ссоры. Не раздумывая, он ударил мальчика кулаком в лицо. Женя, покрутив пальцем у виска, молча вышел, неприятно удивив этим силача, ожидавшего соплей и слез.

С этого момента Васек, подговорив прихвостней, начал травлю близнецов. Способы были традиционные – им отрывали пуговицы и рукава, выдавливали в обувь зубную пасту, клали в кровати кнопки. Братья никому не жаловались, а воспитатели ничего не замечали.

– Главное, поступить в вуз, – говорил Паша брату, – а Васька после девяти классов пойдет учиться на сантехника. Вот и вся его жизнь.

– А мы вырастем и построим свой автомобильный завод. Васька придет к нам наниматься на работу, а мы ему скажем: у нас все места сантехников заняты, – мечтал Женя, – но мы его в грузчики возьмем.

Мы не мстительные.

Васька, словно догадываясь о будущей участи грузчика, ненавидел братьев все сильнее. Его уже не устраивали невинные шалости с зубной пастой. Памятуя о любви близнецов к чистоте, он науськал своих помощников, и те, раздобыв где-то лошадиный помет, подложили его в их постели.

Мальчики, чтобы не устраивать скандала, выбросили измазанное белье на помойку, но, как назло, его там обнаружила завхоз и, выйдя на след братьев, обвинила их в разбазаривании детдомовского имущества. Те не выдали Ваську, чем разозлили его еще больше.

– Ах, какие мы благородные, – прошипел он, когда они с красными лицами вышли из кабинета заведующей, – вам это благородство колом в глотках встанет! – Он словно кобра навис над их головами.

Вечером Женя упал навзничь на пороге спальни, который был натерт маслом. Пока вызывали скорую помощь к потерявшему сознание мальчику, масляное пятно с пола исчезло.

Женю отправили в больницу с сотрясением мозга. Когда он вернулся, Паша, затащив его в темный угол гардеробной, горячо зашептал:

– Я здесь больше жить не могу. Я все время хожу и под ноги смотрю, чтобы не поскользнуться. Васька дерьмо мне в кроссовки подкладывал. Меня чуть не стошнило, пока я их отмыл. Он нам жизни не даст. Давай убежим!

– А может, нам обо всем воспитателям рассказать? – задумался Женя – и сам ответил: – Нет, они не поверят, а нас ребята будут предателями считать. Ты прав, надо делать ноги.

Побег они совершили ранней осенью, предварительно расспросив про перипетии бездомной жизни недавно появившегося в детдоме паренька, по кличке Воробей, который долго бомжевал в Питере. Он даже назвал адрес дома, где свил на чердаке гнездо.

– Я все щели заделал, поэтому у меня там тепло. Одежд разных натаскал, коробок, подушек, – Воробей явно гордился своей хозяйственностью, – у меня знакомый дядька на городской свалке работает, он мне кучу полезных вещей оттуда подарил. Только на чердак надо пробираться, когда в парадной никого нет. Если жильцы засекут – сразу в милицию заявят. Я их расписание изучил и напишу его вам вместе с адресом.

– А где ты мылся? – спросил Паша, уже жалея, что решился на побег.

– В бане, она как раз неподалеку, там дядя Саша работает, вы ему скажите, что от Воробья, он вас бесплатно пустит, но только в понедельник, потому что этот день для бедных.

– Пиши, Пашка: баня по понедельникам у дяди Саши, – подтолкнул брата Женя.

– А еду где брать?

– Во вторник и четверг в столовке для бедных, но там надо быть настороже – милиция заходит и бездомных детей отлавливает.

Еще можно у тети Риты на Московском вокзале что-нибудь перехватить, но это на крайняк. Так, где же еще? – Воробей запустил пятерню в буйную шевелюру. – Вспомнил!

У метро «Лиговский проспект» ночлежка есть, туда иногда полевая кухня еду привозит, еще соседнее кафе на задний двор выносит ящики с обедками – вот там настоящие деликатесы бывают.

– Ящики с обедками...

Теперь растерялся Женя, кинув на брата вопросительный взгляд. «А может, останемся?» – прочитал Пашка в его глазах и отрицательно замотал головой, вспомнив о лошадином помете в своей постели.

– На работу вас никто не возьмет, а вот попрошайничать в пригородных электричках можете. Подойдете к Арсену, это такой здоровый дядька в кожаной куртке и с глазами навыкате, он всегда сидит в кафе «Гончар» на Гончарной улице, скажите ему, что мои друзья, если вы ему понравитесь, он вас к себе в бригаду возьмет. Будете ему половину денег каждый день отдавать и жить припеваючи. Только не обманывайте его. У него жена на картах гадает, если кто обманет, сразу говорит.

Братья выполнили все инструкции Воробья: нашли его гнездо, понравились Арсену и зажили свободной от Васькиного террора жизнью, спрятав в памяти, как в волшебной китайской коробочке, воспоминания о прошлом, наполненном любовью и заботой погибших родителей.

Со временем Арсен устроил их жить в вагон, где они и познакомились с Лешкой.

... Не обращая внимания на морозящий дождик, Лешка несся к храму со всех ног. Издалека начал он высматривать высокую фигуру деда Андрея, но его не было видно. «Наверное, я слишком рано пришел. Ничего. Подожду», – Лешка сбавил шаг.

– Дед Андрей, ты здесь? – крикнул он на всякий случай, обходя храм.

– Нет здесь твоего деда, я за него, – раздался незнакомый молодой голос, и ему навстречу вышел парень в защитной форме.

– А где дед? – Лешка чуть не заплакал от огорчения.

– В больнице Андрей Петрович. Инсульт у него, – парень с сочувствием посмотрел на мальчика. – Что же ты, внук, а не знаешь?

– Болел я долго, – тяжело вздохнул тот. – Знаешь адрес больницы?

– Адрес больницы, – парень достал мобильный телефон и начал нажимать на кнопки. – Вот, нашел. Записывай.

– Говори, я запомню, – сосредоточился Лешка.

Скорая отвезла Андрея Петровича в «Мариинку». В отделении кардиологии его положили в коридоре, но он не роптал, тихо молился про себя и благодарил сестричек за уколы и капельницы. Ласковый терпеливый старичок пришелся одной из них по душе, и вскоре по ее хлопотам его перевели в многоместную палату.

На этот раз Андрей Петрович шел на поправку медленно, а ему обязательно надо было выкарабкаться, чтобы осуществить задуманное – окрестить бездомного кареглазого мальчонку, поближе с ним сойтись, а там, если Бог управит, забрать к себе. «Придет мальчонка, а меня нет, – переживал дед Андрей, – хоть бы ему сказали, где я».

Однажды вечером, спустя две недели его пребывания в больнице, в палату заглянула дежурная сестра.

– Кто у нас дед Андрей? – спросила она недовольным голосом.

– Я, а что? – приподнялся на кровати Андрей Петрович.

– Вас какой-то мальчик уже с полчаса зовет под окнами ординаторской.

«Алеша! – сразу догадался старик. – Нашел меня, постреленок!»

– Это внучок мой! Сестричка, можно я к нему спущусь? – он умоляюще посмотрел на женщину.

– Идите, только недолго.

– Дед Андрей! – крикнул Лешка, кинувшись обнимать похудевшего, осунувшегося сторожа.

– Лешенька! – тот с трудом удержался на ногах от невольного толчка. – Ты, брат, поаккуратнее со мной, смотри не урони.

– Да я тебя скоро на руках носить буду! – хохотал мальчик, пытаясь приподнять старика.

– Давай присядем, сынок, – Андрей Петрович опустился на лавочку.

Лешка, усевшись рядом, тут же прижался к нему и, став серьезным, спросил:

– Дед Андрей, ты себя как чувствуешь?

– Слава Богу, хорошо. А теперь, как тебя увидел, вообще замечательно, – старик погладил Лешку по широкой макушке, – воробушек ты мой кареглазый. Бог даст, скоро выберусь отсюда, и тогда ждут нас с тобой перемены.

– Какие перемены, дед Андрей?

– Решил я тебя к себе забрать. Хватит тебе бомжевать. А там, если Господь управит, возьму над тобой опеку. Хочешь?

Вместо ответа Лешка заплакал.

Быстро покинуть «Мариинку» у Андрея Петровича не получилось. Он простудился, и опять начались уколы и капельницы. Больницу в связи с эпидемией гриппа закрыли на карантин и посещения отменили. Но Лешка нашел общий язык с вахтершей и передавал через нее пакеты с соками и фруктами, на которые тратил большую часть заработанных честным попрошайничеством денег.

Дед Андрей посылал ему в ответ записочки, в которых обещал быстрее поправиться.

Накануне Рождества его неожиданно выписали. Оставив на вахте для Лешки записку со своим адресом, сторож поехал домой.

Сил отстоять праздничную службу у Андрея Петровича не было, но не поздравить Лешку с днем рождения он не мог. Вспомнив рассказы мальчика о доброй буфетчице, он напрямик отправился к ней.

– Конечно, я знаю, где можно найти Лешу, – Маргарита окинула старика внимательным взглядом и сразу почувствовала, что ему можно доверять, – он на дальнем перегоне в отстойнике живет, седьмой вагон от начала.

– Доченька, можно я посижу у тебя немного? – тяжело опустился на стул дед Андрей. – Я только из больницы вышел.

Хочу мальчонку с днем рождения поздравить.

– Так вы подождите меня, я тоже к нему на праздник иду, я и салат его любимый приготовила. Через полчаса сдам смену, и пойдем вместе.

Лешка ждал гостей к шести часам. За пятнадцать минут до назначенного времени он начал суетиться вокруг праздничного, накрытого бумажной скатертью, столика – расставил посуду, поставил шампанское и миску с виноградом, открыл пакеты с мясной нарезкой, шпроты и селедку. Закончив хлопотать, он, подперев рукой щеку, уставился в окно, крепко о чем-то задумавшись.

Уйдя в свои мысли, Лешка не слышал, как открылась вагонная дверь, не слышал шагов по коридору. Он очнулся, увидев тетю Риту с кастрюлей в руках, а за ней – мальчик не поверил своим глазам – деда Андрея!

Буфетчица присела на койку, освободив проход.

– Здравствуй, сынок, с Рождеством Христовым тебя и с днем рождения, – старик раскрыл руки. Лешка бросился к нему и, уткнувшись лицом в колючее, мокрое от снега пальто, заревел.

– А я боялся, что ты можешь умереть, а ты жив, – невнятно бормотал он сквозь слезы.

– Нет, сынок, умирать мне никак нельзя, я же должен из тебя Божьего человека сделать. Дел у нас невпроворот. Вещи надо собрать и ко мне перевезти. Может, прямо сегодня и пере-едешь?

– Конечно, прямо сегодня и перееду! – закричал Лешка.

– А мы вам поможем, – сказал дядя Сережа с порога. – Сейчас посидим, отпразднуем Рождество и твой день рождения, а потом я вас провожу.

– Лешка, посмотри в окно! С днем рождения! – закричал из тамбура Пашка.

Все обернулись и увидели, как в небе рассыпается огнями запущенный Женькой праздничный фейерверк.

Юлька, Краля и часы

Юльку в шестом «Б» считали немного сумасшедшей. Да что там в шестом «Б»! Вся школа за ее спиной крутила пальцем у виска – мол, девчонка-то с приветом! А все потому, что она подбирала остатки еды. Не для себя – для бездомных животных.

В школьной столовой девочка, не обращая внимания на насмешки ребят, молча счищала в пакеты с тарелок недоеденные макароны, собирала надкусанные котлеты, сосиски и куски булки.

Мама и бабушка Юльки были педантичными чистюлями, поэтому у них в доме животных не было.

– От кошки повсюду будет шерсть, – говорила мама в ответ на просьбу дочки взять бездомного котенка. – И у тебя в тарелке, и на одежде.

– Мама правильно говорит, – вторила бабушка, – кроме того, кошки обои и диваны дерут. В нашем доме никаких животных не будет! И не проси!

Однажды осенью, когда Юльке было семь лет, гуляя во дворе, она услышала жалобный писк, доносящийся с помойки. Отодвинув мешки с мусором, девочка увидела рыжего котенка с голубыми глазами. Сердце защемило от жалости – пищавший кроха был в колтунах, его глазки слезились. Не раздумывая, Юлька подняла бедолагу с земли. Очутившись в ласковых руках, котенок замолчал и доверчиво прижался к груди девочки. «Буду звать его Рыжик! Мама увидит, какой он несчастный, и не сможет выбросить его обратно». Юлька решительными шагами направилась к дому.

Бабушка дремала, и девочка беспрепятственно пронесла сокровище в свою комнату. Напоив Рыжика молоком и кое-как промыв ему глаза, счастливая Юлька села за уроки. Котенок, свернувшись клубочком, тут же засопел у нее на коленях.

Вечером, когда вся семья собралась ужинать, Юля вынесла Рыжика на кухню. Чтобы он лучше выглядел, девочка повязала ему на шею бабушкин шелковый платочек.

Увидев дочку с заморышем на руках, все замерли.

– Это что такое? – первой опомнилась мама.

– Это Рыжик, – Юлька с мольбой посмотрела ей в глаза. – Mamочка, давай оставим его у нас. Я всё-всё по дому буду делать: мыть полы, посуду, стирать. Только согласись!

– Почему бы и нет, – дрогнул папа, увидев полные надежды глаза дочери, – если Юля будет за ним ухаживать, пусть котенок живет с нами. Помоем его, к ветеринару свозим, прививки сделаем. Летом на дачу отвезем. Будет там мышей ловить.

Услышав про мышей, мама вздрогнула.

Она их очень боялась.

– Лиза, давай выйдем на минутку, – предложила бабушка маме многозначительным тоном.

О чем-то пошущукавшись, они быстро вернулись.

– Мы с бабушкой решили так, – начала мама очень серьезно. Когда она так говорила – спорить с ней было невозможно. – Конечно, котенка выбросить на улицу мы не можем, но и в доме его оставить я не могу.

Ты знаешь, почему.

Юлька грустно кивнула и посмотрела на папу, но тот лишь развел руками.

– Поэтому найденыш будет жить на лестничной площадке, если, конечно, соседи не будут возражать. Ты можешь его кормить и с ним гулять.

– И сними, пожалуйста, с него мой платок, – не выдержала бабушка.

Соседи против присутствия Рыжика не возражали, и он остался жить около Юлькиной квартиры. Теперь всё свободное время она проводила на лестничной площадке, в глубине души надеясь, что когда-нибудь мама изменит свое решение и пустит найденыша в дом. Тем более что помытый и расчесанный котенок стал очень симпатичным.

Но Юлькино счастье длилось недолго. Через десять дней Рыжик пропал. «Вероятно, он прошмыгнул на улицу с кем-нибудь из соседей», – предположила мама, которая рассчитывала именно на такой конец истории. Юлька с папой ходили искать Рыжика по окрестным дворам, но тот как сквозь землю провалился. «Наверное, кто-нибудь взял его к себе», – решил папа и прекратил поиски.

Юлька проплакала всю ночь. «Хорошо, если у Рыжика появились хозяева, а если нет? – переживала она. – Если он заблудился? Или попал под машину? Хоть бы он вернулся!» Но наступила зима, а Рыжик так и не появился.

С тех пор Юлька и начала собирать еду для бездомных животных. Она кормила не только собак, которые, зная о доброй девочке, постоянно забежали к ней во двор, но и всех потеряшек и брошенок, встречавшихся ей на пути.

Родителям Юли не нравилось, что все карманные деньги дочь тратит на корм и витамины для животных, но ничего поделать с этим они не могли.

– Все дети как дети, – ворчала бабушка, вытряхивая из внучкиных карманов шелуху от птичьего корма, – ходят в кино, на выставки. Только тебе ничего не интересно, кроме этой бездомной животины. И какой от нее прок?

– Разве от всего должен быть прок? – улыбалась девочка. – Животные приносят людям радость.

– Радость! А скажи мне, какую радость приносит крыса из нашего подвала? – не унилась старушка. – Мне соседка сказала, что видела, как к тебе крыса выходит обедать. Это правда?

– Правда, – смеялась Юлька. – Я ее Чучундрой зову.

– И какая, скажи на милость, от этой Чучундры радость?

– Она, когда ест, так забавно морщит нос и усами смешно шевелит, и мне от этого радостно!

С Чучундрой Юля познакомилась случайно. Однажды она заметила, что кто-то во дворе таскает кошачий корм. Оказалось, что воришка – подвальная крыса. Ее засекла любимица девочки – ворона Краля.

Год назад Краля, тогда еще птенец, выпала из гнезда и сломала крыло. Тогда Юлька с огромным трудом уговорила родителей взять вороненка в дом на время, пока крыло не заживет.

Краля оказалась очень умной. Освоившись, она стала всеобщей любимицей, и только бабушка по-прежнему была ею недовольна. «Слишком от этой Крали много шума и беспорядка. К тому же эта горлопанка таскает у меня вещи», – ворчала старушка. Действительно, ворона частенько навевалась к бабушкиному трюмо, где всегда можно было разжиться чем-нибудь блестящим. Стащив булавку или заклепку, Краля тут же прятала их в угол дивана, откуда Юлька их благополучно извлекала и возвращала на место.

Пытаясь защитить свое добро, бабушка стала тщательно следить, чтобы дверь в ее комнату всегда была плотно прикрыта. Но любительницу блестящих безделушек это не останавливало. Краля научилась открывать дверь и, выждав, когда старушка уйдет из дома, забиралась на трюмо в поисках сокровищ.

По утрам Краля будила всех домочадцев, причем каждого в нужное время. В шесть тридцать она стучала клювом в бабушкину комнату, в семь часов, громко каркая, запрыгивала на кровать к родителям, а в восемь стаскивала одеяло с Юльки. Когда девочка приходила домой, Краля тут же появлялась в прихожей и, радостно каркая, тащила ей тапочки.

Ворона так привязалась к девочке, что, когда ее выпустили на волю, не улетела, а построила гнездо на дереве прямо напротив Юлькиного окна. Краля считала себя полновластной хозяйкой во дворе, поэтому, увидев, что крыса утащила сосиску, подняла такой шум, что все соседи приинкли к окнам. Громко каркая, возмущенная ворона махала крыльями перед воровкой и даже пыталась клюнуть ее в голову, но крыса, несмотря на опасность, добычу не бросила и скрылась-таки с ней в подвале.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.